

УДК 94(47).065

РОССИЙСКИЙ ПОСЛАННИК В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ Ф.М. ВОЕЙКОВ В 1760-1762 гг.

© 2020 М.Ю. Анисимов

Институт российской истории РАН, г. Москва

Статья поступила в редакцию 12.03.2020

В годы Семилетней войны 1756-1763 гг. нейтральная Речь Посполитая стала тыловой базой русских армий, воюющих против Пруссии. Роль русско-польских отношений во внешней политике России резко выросла. В 1759 г. в Варшаву прибыл новый русский посланник генерал Ф.М. Воейков. Он не был дипломатом, занимал ранее губернаторские посты в России и оказался не подготовлен к работе в столь специфическом государстве, как Речь Посполитая. Его не интересовали внутривнутриполитические аспекты противостояния польских группировок, что нанесло ущерб российским позициям в среде польских дворян. Миссию Воейкова нельзя признать удачной. В 1762 г. Воейков был заменен опытным дипломатом Г.К. Кейзерлингом, что позволило восстановить прежнее влияние России в среде польских дворян и магнатов.

Ключевые слова: русско-польские отношения, Семилетняя война.

DOI: 10.37313/2658-4816-2020-2-1-5-10

Одной из малоизвестных страниц русско-польских отношений является период Семилетней войны 1756-1763 гг., когда территория Речи Посполитой превратилась в тыловую базу русской армии, действующей против Пруссии, что привнесло в отношения двух стран новые проблемы. Некоторые аспекты русско-польских отношений в исследуемое время освещены в работах польского историка начала XX в. В. Конопчиньского¹. Первая глава работы Б.Н. Носова посвящена обзору русской политики в отношении Польши накануне и во время Семилетней войны². Также автор этих строк уделил русско-польским отношениям в годы Семилетней войны отдельную главу³.

Донесения российского посланника Ф.М. Воейкова из Варшавы в последние годы Семилетней войны, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, не исследовались в отдельных работах, хотя некоторые из них цитируются С.М. Со-

*Анисимов Максим Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: anisimovm@list.ru*

ловьевым в его «Истории России с древнейших времен».

Русско-польские отношения накануне Семилетней войны резко усложнились из-за внутривнутриполитических перипетий в Речи Посполитой. В 40-х-начале 50-х гг. XVIII в. ориентировавшийся на Россию королевский двор действовал в союзе со своими фаворитами князьями Чарторыйскими против группировки графов Потоцких, ориентировавшихся на Францию. К середине 50-х гг. группировка Потоцких лишилась престарелых лидеров и резко ослабела, что внушало оптимизм петербургским политикам. Однако в 1754 г. в польской политике произошли масштабные перемены, когда польско-саксонский двор вступил в конфликт с группировкой Чарторыйских. С каждым годом их отношения все более ухудшались, и в Петербурге ссора двух ориентировавшихся на Россию сторон вызвала вопрос, кого же из них поддержать. При этом собственное разделение на внешнеполитические линии канцлера графа А.П. Бестужева-Рюмина и вице-канцлера графа

М.И. Воронцова способствовало отсутствию единства в этом вопросе между руководителями российской внешней политики. Канцлер Бестужев-Рюмин, признавая, что конфликт двора и Чарторьских необходимо решить миром и России нужны обе стороны, все же предпочитал поддерживать двор, игравший в европейской системе международных отношений заметную роль как один из возможных русских союзников по борьбе с опасным геополитическим конкурентом – Пруссией Фридриха II. Канцлер Воронцов, вероятно, в пику своему шефу предпочитал поддерживать Чарторьских⁴.

В 1756 г. Фридрих II вторгся в Саксонию, начав Семилетнюю войну. Саксонская армия была окружена и капитулировала, Саксония оккупирована пруссаками, польский король и саксонский курфюрст Август III покинул Дрезден и переехал в Варшаву. Превращение союзника в жертву Фридриха II (одна из дочерей Августа III даже обратилась к Елизавете Петровне с просьбой купить ее драгоценности, так как им не на что жить) привело к тому, что поддержка королевского двора в конфликте с Чарторьскими стала первостепенной для Петербурга.

Российского посланника при польско-саксонском дворе вюртембергца Генриха Гросса после падения влияния его патрона канцлера Бестужева-Рюмина, просчитавшегося с ориентацией на Великобританию в поисках союзника против Пруссии (весной 1756 г. Лондон и Берлин подписали Вестминстерский договор), решили отозвать в Петербург, где его ждала должность члена Коллегии иностранных дел.

В 1756 г. ему на смену прибыл генерал Михаил Волконский, племянник канцлера Бестужева-Рюмина и его брата и политического противника обер-гофмаршала Михаила Бестужева-Рюмина. Пока он принимал дела у Гросса, а Гросса оставили еще на год, в Петербурге передумали.

Решением Конференции при Высочайшем дворе от 14 марта 1758 г. Волконского решили отозвать из Варшавы и направить в австрийскую армию в качестве своеобраз-

ного военного атташе, представителя союзника. Гросса по-прежнему ждала должность члена Коллегии иностранных дел, а в Варшаву назначался занимавший в то время должность рижского губернатора генерал-поручик Федор Матвеевич Воейков⁵.

К австрийской армии Волконский не поехал, так как рескриптом от 29 августа 1758 г. был отправлен в русскую Заграничную армию, которая после Цорндорфского сражения 14 (25) августа 1758 г. понесла большие потери в генералитете. Гросс снова оставался в Варшаве ожидать нового сменщика.

Рескриптом 23 октября 1758 г. Гросс извещался, что чрезвычайным посланником и полномочным министром в Варшаве назначен Воейков, а самому Гроссу отправляется отзывная грамота.

Воейков в юности был отправлен Петром I учиться за границу, в 1744-1745 гг. имел краткий опыт работы русским представителем в Курляндии, после чего долгие годы был губернатором в Риге. Почему выбор пал на него, сведений нет, но это должно было быть делом Воронцова и его соратников, так как канцлер Бестужев-Рюмин в феврале 1758 г. уже был арестован по обвинению в узурпации власти.

Воейков приступил к выполнению своих обязанностей только весной 1759 г.

Оценивать русскую политику тех лет в отношении Речи Посполитой достаточно сложно в связи с тем, что дипломатические документы фонда «Сношения России с Польшей» Архива внешней политики Российской империи находятся в плохой сохранности. Десятилетиями их никто не спрашивал, и многие дела невозможно получить из-за их ветхости и отсутствия реставрации, которая началась только недавно. Таковы и донесения Воейкова из Варшавы – ни одно из них пока не удалось получить на руки, хотя рескрипты из Петербурга в Варшаву доступны, и в них есть отсылки к некоторым донесениям посланника. Однако в фонде «Варшавская миссия» находится дело с копиями всех реляций Воейкова за два года, с 1 января 1760 г. по 31

декабря 1761 г. Почему был выбран именно этот срок (Воейков прибыл в Варшаву задолго до начала 1760 г. и покинул ее в 1762 г.) и для чего копии были собраны в одно дело – неизвестно.

С донесениями Воейкова за 1759 г. и 1762 г. ознакомиться так и не удалось, но некоторые сведения о них есть в работе С.М. Соловьева «История России с древнейших времен». В 1759 г. Воейков знакомился с политическими силами в Польше, отмечая, что придворная партия, руководимая первым министром короля графом Генрихом Брюлем и его зятем надворным маршалом графом Ежи Мнишеком, фактически управляет Польшей по своему произволу, а их оппонентами является партия Чарторыйских. Коронный канцлер (Речь Посполитая как государство, состоявшее из двух частей, имела параллельные структуры власти как в Короне, т.е. собственно Польше, так и в Великом княжестве Литовском) граф Ян Малаховский, входивший в число сторонников России, но не принадлежавший к партии Чарторыйских, посетил Воейкова. Уверяя в своей лояльности России, канцлер тоже жаловался на вмешательство Брюля и Мнишека в прерогативы канцлера и других польских официальных лиц, которые также приносили посланнику жалобы на «дворцев». Воейков отметил в донесении в Петербург: «только мне кажется, что неудовольствия эти возбуждаются Чарторыйскими и Понятовским, имеющими большое значение»⁶. Таким образом, Воейков предпочел считать Чарторыйских, выступающих против короля, виновниками внутripольских конфликтов, что было бы вполне ожидаемо от русского генерала, выросшего в самодержавном государстве. Тем не менее он отметил, что держится с противоборствующими группировками, которые стремятся привлечь его на свою сторону, одинаково ровно и учтиво.

Чарторыйские не понравились новому посланнику и тем, что подчеркнуто дружелюбно общались с английским посланником в Варшаве. Великобритания была

союзником Пруссии в Семилетней войне. Несмотря на то, что Лондон всю войну подчеркивал свою лояльность русским, с которыми англичане продолжали прежнюю торговлю, Воейкову это не понравилось, так как это вызывало особую неприязнь Августа III и Брюля. Возможно, посчитал посланник, Чарторыйские делают так назло им, но эта идея достаточно вредная.

В Петербурге Чарторыйскими тоже были недовольны. Рескрипт Воейкову сообщал, что «хотя подлинно князя Чарторыйские и их партия казались нам преданными, за что и получили многие от нас милости, однако время и опыт показали, как мало они этому отвечают и по частной злобе на графа Брюля и его зятя являются враждебными не только нашим, но и собственным королевским интересам», приводя в пример их нежелание согласиться с предложением короля отправить претензию к Фридриху II о его враждебных планах в отношении Речи Посполитой. Чарторыйским не следовало доверять, как раньше, но отталкивать их, по словам рескрипта, тоже не стоило⁷.

Воейкову Чарторыйские не нравились все больше. В первой половине 1760 г. он так характеризовал лидера их группировки литовского канцлера князя Михаила Чарторыйского в ряде реляций: «человек крайне беспокойный, гордогорячий и почти неукротимый», «сему господину во всем верить, кажется, не можно, ибо человек хотя и разумный, но в вышнем градусе гордозапальчивый и неукротимого свойства, не так скромн, как брат его, воевода русский⁸», «весьма беспокойный, горячий, а притом в польских интригах и шиканах⁹ вконец искусный», «человек, по моему малейшему¹⁰ усмотрению, крайне амбициозный и ко отпущению склонный»¹¹.

Воейков продолжал доносить о том, что Чарторыйские по-прежнему очень дружны с английским посланником: в мае 1760 г. Михаил Чарторыйский, его брат Август и муж их сестры граф Станислав Понятовский 2 часа провели в доме английского дипломата лорда Стормонта. В июле того

же года английский посланник отправился в резиденцию Чарторыйских Пулавы и был там долгое время, что «подает при здешнем дворе не без справедливости сомнения в доброжелательстве их»¹².

25 октября (5 ноября) того же года Воейков писал: «Фамилия князей Чарторыйских еще от дружеского и конфидентного обхождения своего с английским посланником милордом Стормонтом не отстает и тем его величество короля к неудовольствию против себя приводит»¹³.

Первым из своих предшественников Воейков отказался от частных бесед с Чарторыйскими, проводя с ними лишь официальные переговоры.

Однако Воейков все же старался не поддаваться под влияние первого министра графа Брюля. Выслушав его слова о Чарторыйских, что «сия де фамилия с партиєю своею не престаёт недоброхотствовать его королевскому величеству польскому и при всяких к пользе его случаях чинит помешательства» и неоднократно угрожала королю конфедерацией, Воейков комментировал их в Петербург уверениями, что последнему он не верит, учитывая, что в Польше или рядом с ней находится русская армия¹⁴.

Канцлеры Малаховский и М. Чарторыйский просили Воейкова повлиять на Брюля с целью прекращения нарушения их прав, русский посланник говорил с Брюлем, тот подтвердил, что действительно права канцлеров нарушаются, но они сами в этом виноваты: Чарторыйский два года не был в Варшаве, так же редко бывает в столице и Малаховский, который в силу характера зависим от своего литовского коллеги. Воейков, сообщив о разговоре, больше ничего не добавлял и других попыток заступиться за права канцлеров не предпринимал. Он отмечал, что канцлеры хотят отменить все распоряжения надворного маршала Мнишека, вмешивавшегося в их права, но для самого Мнишека это будет позором и он ни за что на это не согласится.

На посту посланника в Варшаве Воейков продолжал выполнять различные поруче-

ния Петербурга, связанные с традиционными линиями русско-польских отношений елизаветинского времени.

Одной из таких проблем были пограничные конфликты. В Семилетнюю войну они приобрели особую остроту – русский двор, почувствовав свое могущество в Европе, все более болезненно воспринимал свою неспособность прекратить нападения с польской стороны на российские владения. Очень часто такие нападения совершали русские беглые, которых в Речи Посполитой было огромное количество (старообрядцы, бывшие рекруты и дезертиры, крестьяне), но принимали их на своих землях польские шляхтичи, которые зачастую сами подговаривали их к грабежам на российской стороне и давали им оружие для этого. Русские дипломаты постоянно делали представления властям Речи Посполитой, те рассылали королевские универсалы с повелением отправить обратно русских беглых (взаимно возвращать перебежчиков с сопредельных территорий Россия и Польша обязывались по условиям Вечного мира 1686 г.), но беглых все равно не возвращали. Воейков, старательно выполняя указы из Петербурга, тоже не мог повлиять на изменение ситуации.

Другой проблемой были пограничные конфликты, история которых тянулась не одно десятилетие. Извилистая линия русско-польской границы, установленной Андрусовским перемирием 1667 г. и Вечным миром 1686 г., не имела естественных преград и какого-либо национального размежевания и была легко проходима для различных разбойничьих шаек по обе стороны границы, которая была для них удачным убежищем. Если в самодержавной России власти могли обеспечить розыск и наказание виновных в грабежах, то в шляхетской республике власти страны не имели никаких средств воздействия на дворян, предоставлявших убежище шайкам или прямо подталкивавшим их к нападениям.

Ситуация на границе резко усложнилась с 1754 г., когда в Петербурге решили в одностороннем порядке (так как согласие на это

с польской стороны мог дать только сейм, который никак не мог начать свою работу (учитывая наличие права «*liberum veto*», то есть необходимости согласия всех без исключения депутатов сейма, чего добиться никогда не удавалось, учитывая постоянные внутривосточные конфликты) провести демаркацию границы, установив на ней форпосты. Линия была проведена по русским картам или просто по представлениям русских, и с польской стороны многие шляхтичи были крайне недовольны тем, что часть земель, которые они считали своими, теперь оказалась за линией русских форпостов. Шляхта стала решать проблему своими силами, в том числе и собрав сотни людей со своей стороны, захватывая форпосты, которые обороняли обычно всего 2-4 солдата.

Представления русской дипломатии королю и властям Речи Посполитой по традиции результата не имели, и в Петербурге все более раздражались.

6 августа 1759 г. Воейкову был отправлен рескрипт, в котором утверждалось, что «непрестанные обиды и злодеяния от поляков (...) в здешней стороне столько уже распространились, что ... таковые наглые от поляков оскорбления не можем мы долее сносить». На польскую территорию отправляется российская воинская команда в 100 человек для поимки одного из бесчинствовавших на русских территориях шляхтича. Шляхтич Ивановский был схвачен и отвезен в Россию сидеть в тюрьме до тех пор, пока он не возместит убытки русским¹⁵. Это было первой за годы правления Елизаветы Петровны силовой акцией русских против польских шляхтичей. В Петербурге опасались возможной реакции в Польше на такие меры, Воейкову было предписано внимательно следить за ней, но никаких последствий, кроме вялых жалоб посланнику, не было. Впрочем, и ситуацию на границе такая мера не изменила – известия о вооруженных нападениях с польской стороны на форпосты или русские воинские команды на границе со всеми подробностями про-

должали постоянно упоминаться в дипломатической переписке. В Петербурге снова решили использовать силу, и в январе 1761 г. Воейкову сообщили о том, что русские военные команды вывели из приграничных земель Речи Посполитой 7 шляхтичей, нарушавших королевские указы о возвращении русских беглых (двоих из задержанных быстро отпустили, так как выяснилось, что беглых у них нет)¹⁶.

Тем не менее при Петре III, в апреле 1762 г. Воейкову, который уже знал о своем отзыве с поста посланника в Польше (указ был подписан 16 марта), из Петербурга снова писали о польских нападениях, что «такие наезды, обиды и грабительства делаются, что уже не могут больше стерпимы быть»¹⁷.

Аналогичным образом Воейков передавал и представления русского двора в защиту прав православных в Речи Посполитой и также не имел никакого успеха в этом деле, что также вызывало в русской столице негодование, что обиды единоверным со стороны польских католиков «нам не только бесславны, но весьма уже нетерпимы стали»¹⁸.

В целом генерал Воейков был хорошим исполнителем, стараясь тщательно выполнять данные ему поручения, но сам как дипломат не высказывал каких-либо новых идей, не выдвигал собственных инициатив. Канцлер Воронцов иногда делал ему замечания – например, почему Воейков не прислал в Петербург копию королевского универсала о созыве сейма, который Август III уже рассылает по Польше¹⁹, или же почему посланник не сообщил, какой же ответ он отправил графу Потоцкому, упоминая о его жалобе²⁰ – то есть Воейков не знал особенностей работы дипломата и, если ему прямо этого не предписывали, не предпринимал инициативы.

Переговоры, которые Воейков проводил с сенаторами и официальными лицами Речи Посполитой, показывают нам, что он был достаточно уверен в себе и мог находить аргументы для отстаивания позиции своего руководства. Польские порядки ему явно не нравились, он не понимал их,

отзывался негативно и в реляциях часто раздражался от своего бессилия что-либо поменять в нужном его стране направлении. Были и личные мотивы – польский почтмейстер Биберштейн пригласил Воейкова к себе среди прочих важных персон и иностранных посланников на прием по случаю визита в Варшаву барона Александра Строганова и его жены Анны Михайловны, единственной дочери канцлера Воронцова, следовавших в Вену. Гости уже собрались, и в этот момент в пустом пока зале приемов взорвался пороховой заряд, подложенный в печь. Осколки печи чудом миновали хозяина дома, и Воейков, проклиная здешние раздоры, возмущался тем, что поляки в своей ненависти друг к другу не щадят и невинных. Целью покушения, как предполагали в Варшаве, были Брюль и Мнишек, но польский историк В. Конопчиньский, исследуя этот эпизод, посчитал его провокацией, имевшей целью вызвать негодование против Чарторыйских. Расследование столь важного дела, по словам польского историка, практически не велось²¹, и тот же Воейков со своей стороны тоже больше не упоминал об этом происшествии.

Некоторые наблюдения посланника Воейкова повлияли на русскую политику в отношении Польши. Так, 8 марта 1760 г. Воейков писал, что, как он может заметить, большая часть магнатов и шляхты в воеводствах Познанском, Сирадзском, Калишском, Ленчицком и др. смежных с прусскими владениями территорий Великой Польши, где находились тылы русской армии и она сама зимовала там каждый год Семилетней войны, «весьма более доброжелательствуют стороне прусской», но стараются такие чувства скрывать, однако при нужном поводе могут это проявить и открыто²². Эти слова были отчеркнуты на полях, вероятно, канцлером Воронцовым. 8 октября 1761 г. рескрипт из Петербурга напоминал Воейкову цитированные выше слова, а также сообщал об аналогичных опасениях командующего Заграничной армией фельдмаршала А.Б. Бутурлина, что великопольская шляхта

может поднять конфедерацию против короля и русских войск в Польше. В связи с этим русский двор решил разместить в Познани и ее окрестностях 12-тысячный корпус генерала Волконского (бывшего посланника в Польше) с целью предотвращения всех возможных беспокойств²³. После размещения войск Воейков несколько раз уверенно докладывал, что никакой опасности конфедерации в Великой Польше теперь нет.

Сейм 1760 г. не состоялся также во многом из-за того, что Воейков уверял, что в инструкциях сеймовых депутатов из Великой Польши будут внесены лишь жалобы на русские войска, и получил из Петербурга в ответ распоряжение постараться «разорвать» сейм, то есть распустить его, чтобы он не принял никаких решений, и посланник говорил об этом с первым министром Брюлем, и тот, по своим мотивам, поддерживал идею срыва сейма (Воейков позже отметил, что желающих разорвать сейм было очень много). Сейм 1760 г., как и все предыдущие, тоже в итоге был распущен, не приняв никаких решений²⁴.

При Петре III 14 марта 1762 г. Воейков был отозван с поста посланника в Варшаву и направлен в Заграничную армию, где ему довелось стать последним русским губернатором Восточной Пруссии, а затем он был губернатором киевским и новороссийским, больше дипломатическими делами не занимаясь.

На место Воейкова в новом ранге чрезвычайного посла в Варшаву отправлялся самый опытный российский дипломат того времени – курляндец граф Г.К. Кейзерлинг, бывший посол в Вене и глава русской делегации на намечавшийся в 1761 г. мирный общеевропейский конгресс в Аугсбурге. О роли Кейзерлинга ярко говорит тот факт, что сам канцлер Воронцов, не имея собственного дипломатического опыта, сделал его своим консультантом, время от времени запрашивая у Кейзерлинга мнение по тем или иным внешнеполитическим делам. Кейзерлинг хорошо знал польские дела, дважды в прошлом работая здесь в роли русского представителя. К нему в помощь перево-

дился из Гданьска Ян Ржичевский, бывший до начала Семилетней войны российским резидентом в Варшаве и прекрасно знавший польские дела, работая в российской миссии в Варшаве в качестве помощника секретаря посольства Петра Голембовского, являвшегося резидентом в Польше, а после его смерти в 1748 г. заняв это место. При Екатерине II в начале осени 1762 г. Кейзерлинг получит ранг чрезвычайного и полномочного посла в Варшаве, то есть самый высокий из всех возможных рангов дипломата (хотя в 1756 г. в Варшаве русские интересы представлял только секретарь посольства).

Эти назначения представляются больше соответствующими интересам России в Польше, чем назначение посланником генерала, незнакомого с польскими политическими особенностями и не имеющего опыта ведения дипломатической работы в качестве официального представителя России при европейском дворе. Воейков был мало приспособлен к роли дипломата вообще, а тем более русского представителя в Речи Посполитой, государственное устройство которой кардинально отличалось не только от России, но и от остальных европейских государств. Огромную роль в польской политике играли магнаты и шляхта, что не уставал подчеркивать, например, российский резидент в Варшаве П. Голембовский в 1740-е гг.²⁵, предупреждая, что русским офицерам-эmissарам не понять всей сложности местной политики. Воейков же, хотя и с подачи Петербурга, встал на сторону одной из противоборствующих групп – королевского двора, негативно относясь к другой – партии Чарторыйских, с которой он не поддерживал контактов. Его предшественник в Варшаве опытный дипломат Генрих Гросс писал, что Чарторыйские – «честнейшие и умнейшие люди всей нации»²⁶ и что «партия Чарторыйских никогда в презрение не войдет»²⁷, и относился к ним соответственно, и вполне справедливо – племянник князей Чарторыйских граф Станислав Понятовский-младший станет последним польским королем после смерти Августа III в 1763 г.

Небольшая по длительности работа в Варшаве Воейкова не нанесла никакого ущерба позициям России в Речи Посполитой, учитывая резкие перемены русской внешней политики в 1761-1762 гг., но в целом могла быть куда успешнее, и выбор генерала Воейкова в качестве российского представителя в Польско-Литовском содружестве нельзя признать удачным, что в целом характерно для первых назначений нового канцлера М.И. Воронцова, не имевшего опыта дипломатической работы за границей и в целом сильно уступавшего по деловым качествам своему предшественнику канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Konopczyński W.* Polska w dobie wojny siedmioletniej. T. 1-2. Kraków-Warszawa, 1909-1911.
- ² *Носов Б.В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756-1768. М., 2004. См. также: *Анисимов М.Ю.* Планы России в отношении Польши во время Семилетней войны (по поводу работы Б.В. Носова) // Отечественная история. 2008. № 5. С. 172-178.
- ³ *Анисимов М.Ю.* Семилетняя война и российская дипломатия в 1756-1763 гг. М., 2014. С. 376-447.
- ⁴ Подробнее: *Анисимов М.Ю.* Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века (От Ахенского мира до Семилетней войны). М., 2012. С. 234-276.
- ⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. 1758 г. Д. 6. Л. 173об.
- ⁶ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Эл. издание. М.: БизнесСофт, 2005 (1 диск DVD). Глава IV. 1759 г.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Август Чарторыйский, воевода русский (Русь - Галиция).
- ⁹ От фр. – ссоры, споры, кляузы.
- ¹⁰ В значении «ничтожному», «неавторитетному».
- ¹¹ АВПРИ. Ф. 80 (Варшавская миссия). Оп. 1. 1760-1761 гг. Д. 610. Л. 94, 95об., 99об.
- ¹² Там же. Л. 152об.
- ¹³ Там же. Л. 239.
- ¹⁴ Там же. Л. 198.
- ¹⁵ Там же. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. 1760 г. Д. 5. Л. 43.
- ¹⁶ Там же. 1761 г. Д. 5. Л. 34-36об.
- ¹⁷ Там же. 1762 г. Д. 5. Л. 81.

¹⁸ Там же. 1761 г. Д. 5. Л. 183.

¹⁹ Там же. 1760 г. Д. 5. Л. 175-175об.

²⁰ Там же. 1761 г. Д. 5. Л. 20.

²¹ *Konopczyński W. Pierwsza «bomba» w Warszawie // Konopczyński W. Od Sobieskiego do Kościuszki. Kraków, 1921. S. 160, 164.*

²² АВПРИ. Ф. 80 (Варшавская миссия). Оп. 1. 1760-1761 гг. Д. 610. Л. 64об.

²³ Там же. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп.1. 1761 г. Д. 5. Л. 330-331.

²⁴ Там же. Ф. 80 (Варшавская миссия). Оп. 1. 1760-1761 гг. Д. 610. Л. 156.

²⁵ Там же, Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. 1747 г. Д. 8а. Л. 174-193об.

²⁶ Там же. 1754 г. Д. 5. Л. 239об.-240.

²⁷ Там же. Л. 100.

THE RUSSIAN ENVOY IN THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH F.M. VOYEYKOV IN 1760-1762

© 2020 M.Yu. Anisimov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

In the times of Seven Years' War of 1756-1763 the neutral Polish-Lithuanian Commonwealth became the rear base of the Russian armies which waged the war against Prussia. The role of the Russian-Polish relations in foreign policy of Russia sharply grew. In 1759 the new Russian envoy, General F.M. Voyeykov, arrived in Warsaw. He was not a diplomat; previously he held governor's posts in Russia, and was not prepared for work in such specific state as the Polish-Lithuanian Commonwealth. He was not interested in internal political aspects of confrontation between the Polish groups, and therefore caused damage to the Russian positions among the Polish noblemen. It is impossible to recognize Voyeykov's mission as successful. In 1762 Voyeykov was replaced by the experienced diplomat H.K. Keyserling that allowed to restore former influence of Russia among the Polish noblemen and magnates.

Keywords: Russian-Polish relations, Seven Years' War.

DOI: 10.37313/2658-4816-2020-2-1-5-10